

18+

DELICATEWIND

Дневники странника

ИГРАЯ, МЫ ИДЕМ

DelicateWind
Дневники странника.
Играя, мы идем

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63755002
ISBN 9785005312396*

Аннотация

Путешествие из Ниоткуда в Никуда по Дороге из желтого кирпича... Записки Странника по пути в Вечность. (Записано никогда)... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Вершина мира»	6
История жизни... (некая вроде притча)	10
Девушка-свет	12
«Коробок. Часы. И Степ-а». – Возник...	24
появилась «Снежинка"*-* <	31
МИГ... (0)	37
«Амиго, или просто один день»	40
Бог Запутанных Сфер*:#	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дневники странника

Играя, мы идем

DelicateWind

© DelicateWind, 2021

ISBN 978-5-0053-1239-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Странник всегда знал, что он будет одинок в этом мире, и причиной этому была старая, запрятанная глубоко в сознание мысль о том, что он чужой на Земле и должен вернуться назад! Там его ждали и помнили, но, сколько надо было пройти, прежде чем он получил шанс на возвращение, страдая ежеминутно в этом теле! Да, Миры всегда зовут нас, даже когда не помним, всегда, и этот зов и есть то тонкое неуловимое неудовлетворение нашей так называемой земной жизнью, а всему причиной являются полустертые воспоминания о высших Мирах!

*Как немного нас, таких? Кто с горящими глазами ищет? Как немного тех, кто, услышав звон ветра, вздрагивает сердцем, ощущая красоту и трепетно всматривается в горизонт, ища там **неведомое ДАЛЕКО**. Мы все забыли, мы*

все помним! Мы все хотим обратно! И поиск наш так тяжел и труден и наталкивается на непонимание людей, которые не были там! Наверху, в свободе полета и восторга души свободной от тела! Обрывки высшего Мы находим в странных песнях и стихах Земли, погружаясь в них полностью, выскивая и выпытывая там себя, но не обретаем там выхода из тюрьмы настоящего, и это часто становится началом конца!

И Странник один из них и нас, таких же ищущих Дверь с надписью «ВЫХОД» и весь этот опыт, путь назад, и боль, и много еще за кадром, и тишина, и вечность, и любовь, и помолчим, ведь все не опишешь словами! Но выход есть! И все здесь об этом! Все в Пути Странника»!

«Вершина мира»

Уйти и разбиться. Стереть себя из мира, или нет? «Жизнь сюжет немного грустный, но с этим пока ничего не сделаешь!» Надпись кровью на моем сердце.

Он встретил Ее в далеких грезах снов, видел ее чудесную тень среди облаков, чувствовал каждую Ее потаенную и такую грустную Мысль, но она не была с ним, как Странник надеялся, и это добавило оттенок грусти к его глазам. – Почему? – спросил он, почему, напрасно ожидая ответа у своего уставшего ждать Сердца. Скиталец видел ее следующую мысль, когда Он целовал ее прозрачные губы – ощущал ее дикую боль, и знал ей причину, и тогда он решил создать этот сюжет, который, он знал, поймет только Она. Знающая то, что останется за кадром этого жизненного рассказа.

Она не решилась сказать это... Она... Формо-За?

Поэт во мне стоит на горе, где нет стен. Ветер качает, колышет волосы, теребит полы черного плаща. Луна фиолетового цвета заглядывает в грустные карие глаза – и зачем он сюда забрался? Но пути назад нет, он снова ушел от мира, прейдя к нему на время с Ее помощью, он стал видеть необыкновенные вещи в нем, показала их ему она, – **Ангел** в женском обличье. Творец понял красоту уродливого ми-

ра, но когда **Он Ему это сказал**, как и **Ей**, о ПУТИ к большей красоте, что ведет от этого понимания – к вершине, мир не понял, как поэт видит все его угловатости-плоскости, мешающие свободе, все отражения *масок-кривых-зеркал*, что на людях...

Он видел взаимодействие этих масок друг с другом, понял, как люди их на себя примеряют в глупом опьянении миром, но сам он не мог заставить себя надеть ложную личину, что людям естественно и не понятно и смешно, потому Поэт и страдал, открытый всем на сто процентов, наивность, это называли глупой наивностью? Быть без маски? Настоящим?

И что теперь делать со Свободой?

Он-то надеялся, что ОНА пойдет с ним вместе к ней – но она ушла. Таинственная как всегда, И вот Вершина – начало пути сквозь земное одиночество к *не-одиночеству* звезд. Ну, почему она не пошла за ним? Истеричный вопль в ночи! Или только показалось? Неужели, только в открытии ему нового видения мира заключалась ее миссия? Больно... Но, надо идти.

Он ступает по упругому воздуху – выше – Выше – широко распахнутые руки обнимают ледяной простор бездн, и идет и плачет. Слезы это метеориты на землю. Но иногда он робко оглядывается назад, вдруг ОНА пойдет за ним? Мучающийся, улыбается, – а надежда все же есть. И с этой мыслью под мышкой выше – к Луне – к *Серебряным духам* – парящим в свободе от тела...

Взгляд вниз, испуганный, нога замерла, – а может упасть, разбиться? **НЕТ!!** Не хочу. **ТАМ** еще ужаснее – в спутанных снах материй. Глаза – приказ наверх, слеза бедная дрожит, улыбка счастья иль печали? Он знает, что путь нелегок и пустынен, это иллюзия, что можно идти по нему не одному. *КАК ОН Думал* раньше, совсем недавно, живя во снах Земли. Звездная тропа вьется тонким белым канатиком меж равнодушных созвездий... «Оо-оо. Он один, так что же»? Может **ТАМ**, освобождение? Но там и полно опасностей и непонимания как внизу.. И...Как громко он рассмеялся!

Поднимается решительно по невидимым ступеням Лестницы, которая – он увидел – никогда не кончается. Его Путь восстанавливает ее разрушенные ступени, возникающие под его усталым шагом. Стопы, обнаженные, ранят раскиданные меж атомов воздуха колючки. Кровь летит вниз, разбивается об невидимую отсюда землю – застывает, превращается в смеющихся от тоски людей, у которых в мозгу, по каналам-извилинам не плавают как у всех гондолы со злобными бородами мужчинами, нет, каналы не осквернены этим, вода глубока, чиста, спокойна... А **ОН-ПОЭТ-Я**, смеется, преодолевая усталость и боль подъема.

СИЛУ-Эт Его тает, теряется вдали, но еще медитирует в воздухе его смех.

Исчезает. Тишина... Луна светит строго и сурово... Звезды подмигивают с неба. Мир шумит как всегда в это время. Может выпить яда? Нет, я встаю с пыточного ложа и иду

за ним. Или за НЕЙ.

Я хочу понять кто я?

История жизни...

(некая вроде притча)

Жил был камешек серый и пыльный, лежал он в тени большого раскидистого дерева у дороги. Камешек лежал долго, по дороге давно не ходили путники, и никто не мог сообщить ему движение, подарить радость действия. И лежал он недовольный. А он так хотел, чтобы его сдвинули с места, на худой конец пнули – И он полетел бы конечно тогда вдаль, счастливенький?

Но дорога всегда пуста, как грязная скатерть без посуды и кружек, которую нерадивая хозяйка решила постирать в другом году. Дерево наверху шевелилось на ветру и насмешливо шептало: – дурак, дурак. Оно издевалось над желанием камешка покатиться. Оно просто не знало, НЕ МОГЛО представить себе Радости этой. Так вот! Дереву казалось, что находиться на месте круто, куда-то там лететь ерунда, а камешек обижался до слез, как же Оно это понять не хочет, и часто вступал с ним В ехидный спор, насыщенный обильными, четко выстроенными аргументами..

Но дерево не слушало его, гордо возвышаясь у дороги. Однажды здесь промчался всадник в голубой рваной накидке, он спешил, усталый, у дерева, улыбнулся, так странно, и печально, в глазах его застыла мудрость. Он взял камешек,

положил в караван-карман, посмотрел еще грустнее на дерево, сел на коня и ускакал в никуда, а дерево только усмехнулось их нелепой жажде убежать от того, что у них есть...

Всадник доскакал до моря, опять улыбнулся и кинул камешек в воду, где-то на дне тот попал в раковину, и стал обрастать, обрастать и, наконец, превратился в прекрасную жемчужину, которую, однажды, надели на шею Китайской Принцессе.

Потом он перешел по наследству ее Детям, потом еще раз подвергся обработке и вот, опять вернулся к всаднику, который превратил его в девушку неземной красоты, и она вышла за него замуж. Так сбылась мечта камушка – получить Опыт жизни и он получил через него нечто большее, чем просто лежание на одном месте, а дерево через день после Ухода камушка спилили на дрова, так как оно было очень старо, и ненужно, Никому, и задерживало рост молодых деревьев у дороги...

А потом эти Дрова сожгли в день одновременной смерти всадника и девушки. Так дерево тоже сыграло свою роль, став, их дорогой в небеса. А всадник, вы наверно догадались – был бог.

Девушка-свет

Она бродила в одиночестве по соломенно-желтым пескам пляжа. Она – высокая молодая блондинка в свободном белом платье, мокрым от недавнего дождя и, теперь, липнувшим к телу. Ее печальное, слегка тронутое печатью задумчивости лицо, было повернуто в одну сторону – сторону моря, лениво лижущего берег, по которому она шла, изредка вздрагивая от холода влажных комочков песка, забивающихся между босых пальцев ног. Взор огромных голубых глаз устремлялся то на маленький плоский камешек под ногами, то на парившую в небе крохотную, на такой высоте, хищницу-чайку, то на пеструю бабочку, сверкавшую в свете только что проявившегося розового пятна солнца – алмазной пылью крыльев...

Она быстро перебирала ими, и девушка на секунду задержала внимание на летунье, залюбовавшись вспышками-мельканиями этих таких тонких эфемерных парусов, дающих ей свободу. Почему она не бабочка? Каждое событие, малейшее изменение в реальности мира, вызывало ее неподдельный живой интерес, зажигая глаза цвета мира огнем радости познания и заставляя остановиться, чтобы рассмотреть во всех подробностях. Она любила бродить тут, и предаваться красивым и чистым мыслям, только тут, среди одинокого покоя – молчания дюн и шума волн, бывших по насто-

ящему прекрасными и свободными, подобно полету тех же птиц в небе!!!

Городская суэта давила, отвлекала, засасывала в себя децибелами шума, мешающего слышать самого себя, и невольно заставляла жить по своим правилам. Правилам исполинского людского муравейника-технополиса. Они, эти законы-рамки, не допускали покоя ни на секунду, крича во все горло – спеши урвать! Вопя на весь мир – спеши успеть!!! Они и покой были несовместимы! Как смешно, ведь именно покоя в большинстве своем хотели люди, живущие в жестких башнях стали и бетона. Смешно, ведь они сами себе их и построили, отгородившись от истинного мира четкими линиями цивилизации...

Давящий шум единого планетного города был настолько силен, рваная аура человеческих тревог-мыслей над мегаполисом настолько мощна, что большинство уже даже не замечало разницы между его атмосферой и атмосферой природы. Не замечали, что при выезде из Города к редким уцелевшим оазисам природы постоянное тонкое, а подчас и не тонкое беспокойство в груди исчезает и им становится легче. Они слепо следовали укатанной колее жизни. Работа, работа, работа... Потом Отдых... С-смотри-рррекла-мууу... и ни о чем не думай... Ведь ты устал... А как можно думать, если ты все время работаешь, и размышляешь, как не умереть с голоду? Они полагали, что существует только такая жизнь, и иного не дано...

А ведь человек изначально предназначен для другого. Развиваться!!! Но он воздвиг между собой и совершенством рамки цивилизации, придумал деньги, и – потом возникли «общественные отношения». Деньги, и естественно «необходимость» их зарабатывать! Жизнь приобрела оттенок материальности. Добиться достатка, чтобы комфортно существовать в каркасе своей физической формы. Все запуталось. Они все забыли за этим внешним...

Истинная цель – вкусить духовного совершенства, открыть Цветок Сердца и убрать рамки тела, была забыта! Тяжелый физический труд! Да, девушка знала, что это такое! Работая швеей на фабрике по 12 часов в день, с крохотным перерывом на обед в полчаса... И все! После этого у большинства людей оставалась одна мысль – рухнуть и заснуть, она же заставляла себя после работы заниматься медитацией, в которой она так жаждала осознать *саму себя-бога*. Но все равно, такой труд убивал ее, невыносимое напряжение тела приглушало свет Души.

Как хорошо, что сейчас ей дали отпуск, и она смогла прибыть сюда! Сюда, где ей так хорошо! Люди, она не хотела сейчас о них думать, но мысли все равно лезли в голову. Люди, они больше любили удовольствия материального, удовольствия тела, лживые в своих речах и понятиях, общающиеся между собой только с теми – кто им выгоден. И им была не понятна, смешна, тонкая игра ЕЕ Души, зовущей откаться от материи, чтобы получить что-то большее. Это им

было трудно. Проще полностью погрузиться в яд мира... алкоголя..и шоу по вечерам... Они не слышали ее тихого голоса, они не обращали на нее внимания и вот она готовилась уйти от них... Но мир и этого не заметил!

Она ушла, ушла в эту тихую гавань моря, неба и – поющего света. Она продолжала идти по песку, она улыбалась, и, жадно лоя тонким вырезом губ прохладу ветра, прислушивалась к очищению своего сердца. Ощущая, как кровь-радость бежит по светящимся голубым прожилкам ее духовных вен и, как все больше раскрывается душа-сердце. Экстаз? Боль? Смех. Музыка. Она смеется, она преодолевает жаркую боль очищения от ауры Города и останавливается, прислушиваясь к горячим пульсирующим толчкам радости в центре груди...

Глаза окутывает теплая дымка счастья и через минуту они начинают блестеть. Свет обнимает реальность мира и возвращается к хрусталикам глаз, откуда протекает в сердце, наполняя его соленой влагой нового ощущения. В воздухе носятся разноцветные вихри песка, разноцветные от синтеза с яркой пестротой фантиков, валяющихся на побережье. Они поднимают ее тело, *возносят* ввысь и снова опускают на рыхлый песок. Соленое ощущение, оно от моря. А днем ощущение моря чуть-чуть сладкое, иногда даже с горчинкой..

А ощущения мира? **Утром** – рассеянная духовная слабость, ты еще посередине между ночью и днем. Как-то рас-

плывчато, весь мир словно не настроенный объектив и ты в нем слегка размазанный кадр. **День** – Все обретает четкость, краски точны и верны, без единой помарочки и черточки, и ты совершенно проявлен, являясь неким, неким реальным. **Вечер** – все снова слегка смазывается, добавляется ощущение легкой спокойной грусти, так отличной от рабочей жизнерадостности дня. Ты – спокоен и философски задумчив. **Ты-Тень... Ночь-Угасание** и зарядка батареек, объектив пуст, тебя нет и ты **Пустота**. Ты ждешь, жаждешь нового...

Она улыбается единству с миром, и потоки ветра снова бегут по телу, создавая приятную иллюзию скольжения-полета. Ей кажется, что и она сейчас улетит с ним. Почему она не бабочка? А может она бабочка? Кто она? Но она не успевает задуматься, мягкие притупленные иглы солнечных лучей прокалывают тряпичный цветок ее сердца, прищипливая к ткани мира пониманием ненужности мыслей. – Лови дальше ощущения! Ты поймешь все, – говорят они. И она ловит эти ощущения. Теплые струйки текут по телу, смешиваются с холодом и рождается что-то иное. Она слита сейчас со всем. Она существует в одном моменте. И абсолютно наслаждается им. – Как прекрасна свобода. Дышать, – шепчет она цветку сердца, теперь полностью распустившемуся и тихо пульсирующему в такт ее слов...

Глаза девушки окутываются хрустально-золотистым сиянием, а щеки покрываются блестящими маками румянца.

Кровь пульсирует в теле, и... Она полностью перестает чувствовать его, остается только сердце, теперь превратившееся в крохотный огонек Пламени. Оно немного устало ощущать сейчас. Солнце медленно садится, пронзая ребристую панораму моря и шершавую дерюгу-ткань дюн сотней оранжевых копий света. Они пронзают и шелковую ткань тела девушки, застывшей у самой линии прибоя, и в один момент ее тело тускнеет и гаснет, оставляя в пространстве только *множества* просвечивающих сквозь воздух голубых прожилок-вен, подсоединенных к Пламени в центре...

Но вот оно к нам вернулось, еще не время.... Мир заполняет спокойный голос какой-то мелодии, это солнце прощается с миром, и в его тихом торжественном шепоте ей слышатся еще далекие голоса... Церковный хор... Или Григорианский хорал... Что-то похожее на «Enigma»... Мелодия звучит, делаясь все тише и тише, отмеряя опускание солнца, а она стоит в лучах заката, подобная дышащей мраморной статуе древней богини – богини Мира. Она резко вычерчена этими лучами из однообразия желтых песков, и улыбка снова трогает ее лицо...

Глаза заполняет мудрость, выражающаяся в крохотных золотистых точках, внезапно появившихся в глубине зрачков. Бархатные ресницы богини слегка подрагивают, и теперь хрустальную чистоту глаз постепенно заполняет уже иной свет, белый свет *ом-со-знания*. Она прикоснулась сейчас к чему-то нереально прекрасному, душа получила но-

вый опыт и еще сильнее приоткрылась. Но это *ом-со-знание* не могло выразиться в твердых рамках букв, оно было безмолвно... Как закат...

Солнце яростно сражается с пурпурными зайчиками на поверхностях волн и понимание увеличивается. Тело опять тускнеет... Но, тут-же проявляется. Вращающиеся картины понимания пролетают перед Ее глазами, и она спокойно впитывает их в себя, она уже много собрала их, этих картин. Осталось совсем чуть-чуть. Она подождет! Девушка резко повернула голову, обняв воздух золотыми ручейками волос, и взгляд ее упал на мотылька, порхавшего у большого серого валуна вдалеке...

Она смотрит на его беспечные порхания, следит за игрой теней на его легком и прозрачном теле, созданном чтобы лететь и петь. Пусть один день! Но лететь. Погибнуть в горниле солнца! Ведь мотыльки так любят свет. Хрусталики суживались и медленно расширялись, зажигаясь факелами мечты, и концентрировались на опознавании одного – «Что ее так привлекает в его полете»? Она не знала!! Хотя может, знала... Свобода... Или что-то еще?

– Ты так красив, – шептала она мотыльку, вытянув руки и внимательно рассматривая изогнутые сетки жилок на его крыльях. Одна вроде чуть отличается от другой, вот эта вьется вокруг маленького пятна в форме листика. А эта? Эта такая же, как и линия жизни на ее ладони. Вот она – ее жизнь... Мотылька?

– Пусть ты живешь один день, но я так хочу быть тобой и лететь, лететь, лететь, наслаждаясь простором и сладостью прозрачного как стекло дрожащего воздуха над морем. Ты дашь мне свой нектар? Нектар свободы...

Она чувствовала как в глубине сердца, весело щебеча, расправляет крылья точно такой же мотылек, сбрасывая око-вы разума, мешающего его свободному полету. Она чуть отвлеклась и посмотрела вдаль, на дюны, где беспорядочно воткнутые в песок силой природы, качались тонкие стебельки травинок. Они вечно качались в своем неповторимом ритме, изо дня в день, маленькие, пожелтевшие под воздействием солнца травинки, уже безобразные в своем увядании, но в эту минуту они показались ей самыми прекрасными в мире...

– Как просто жить, – шепнула она мотыльку внутри себя, рвущемуся в попытке полностью расправить крылья. – Подожди. Я еще немного хочу побыть здесь. Мне надо что-то понять сейчас. И она снова загадочно улыбнулась и посмотрела на океаны моря. Музыка ветра стихла. Колебание-шуршание травинок смолкло. Еле слышное перешептывание песчинок тоже прекратилось. Все стихло, покорившись безмолвной уже мелодии заката. Все ждало! Все внимательно слушало ее. Что она скажет им?

И она поняла ЭТО, в эту минуту, секунду, мгновение, миг, когда последний луч почти севшего солнца еще освещал застывшую картину мира..Золотой пляж..Травин-

ки..Замшелые камни в дюнах... Она поняла, как надо слиться с небом..**Собой-Богом**... Просто **быть в одном моменте ДО конца!** Еще БОЛЬШЕ, чем раньше. Не упуская ни малейшей детали в сияющей панораме мира. Не позволяя грязи мыслей-тревог опутать *сердце-душу* паутиной внешнего. Из-за этого мотылек не мог полностью расправить свои крылья, чтобы улететь. Она и раньше знала это. Но есть тонкая разница между знанием и ом-со-знанием. Первое лежит в области тюрьмы ума, а второе заключено в пылающем как костер сердце.

Истина... Сердце..Свобода...Истина не понимается умом, она видится сердцем, и чувствуется душой. И она стояла здесь, затормозив механизм заката своей пробуждающей силой и ощущала растворение в волнах космического океана-покоя...

ОН-А Смотрела на море и была Морем, и мысли не тревожили ее, разноцветными рыбками прыгая по поверхности волн. Она была Им, чувствуя в его символе безграничную бесконечность, разложенную на миллион сверкающих капелек света. Она смотрела на Небо и была Им, С-Рождаясь с игрою атомов-пузырьков воздуха, осознавая в себе его чистоту.

Между пальцев ее текла струйка песка, и она ВИДЕЛА огромную важность существования каждой песчинки, она и была ею, частью, песчинкой в мириадах песочных крупинок вокруг и каждая несла свою цель-важность, суть, в целом образуя Единство Души Мира. Душа мира была в ней, и она

была в душе мира, истина пряталась в том, что душа мира и он-АА, это было одно ЦЕЛОЕ, существуя всегда и везде. Но она опять не могла выразить словами это понимание. Она была им сейчас. Почему другие не хотят попытаться увидеть это единство? Как смешно существовать отдельно от него и думать, что его нет. Наша цель припасть к нему, стать целым, а не частью... оторванным куском. Каждой песчинке слиться с пустыней понимания всего и вся...

«Но мне уже поздно помогать им. Мое время-бремя, истекло». И она вытянула руки, чтобы в последний раз нежно обнять мир теплом своего дыхания. Еще раз насладиться ветром..Морем..Небом...

Травинками, заблудившимися в одиночестве белесых дюн. Но небесный мотылек внутри ее сердца уже не мог ждать, яростно трепеща своими хрустальными крыльями в жажде разорвать клетку тела.

И, взмахнув ими в усилия пробуждающегося единства, он выпорхнул наружу, покинув теплое, но тесное место в естестве человеческого тела... Он полетел над темнеющей панорамой моря, весело, еле слышно гудя, и наслаждаясь долгожданной свободой. Он поднимался все выше и выше, перекачиваясь и прыгая в тугих струях воздуха, щебетал, и сверкал на солнце цветными стеклышками крыльев. Он возвращался домой... Туда, откуда спустился сюда, в вечную весну душу-мира... Он возвращался к солнцу...

Закат потух. И мир окутала ночь, долгая ночь, не имеющая конца – наш же путь ВВЕРХ-х-х! Еще только начался.

«Шум волн – услышу ли я этот звук вновь?
Мы рождены терпеть боль и греть кровь, Но тень дня,
луна уйдет, Стая меня возьмет. Дождь мой, где имя
твое? Верь мне. Я сила твоя, верь мне, Твори мою плоть.
Камень. Руками холод ранит. Твердыня, век манит. Хочу
твоих снов. Пусть я, живая ткань и разум, Отброшу все
сразу я Стану ли нов?
Разбей, размешай, раствори, развей
И назови меня ветром» .....

Мумий Тролль «Всецело Всем».

Бог свернул ее побег от мира в блестящую математическую Формулу и создал из нее то, что должно получиться из отрицания Реальности. Он создал меня.

Разворот формулы был долг. Это длилось по земному летосчислению тысячу из тысяч лет, но здесь, в астрале, это было бесконечно мучительно. Злобные мысли, отринувшие мир – они вернулись и упали на мою Голову, низринули В материю, чтобы я еще более ужаснулся тому, что надедал – и я попал в тюрьму Земли. Комнату без выхода, где и находился и нахожусь до сих пор и где все вы, воображающие, что живут в раю...

Формула развернулась. ВОТ он, настоящий мир нашего общего сна:

«Коробок. Часы. И Степ-а». – Возник... ЭТЮД

На золотом столе из старого дерева, лежали... Степа. Коробок. Часы.

Степа часто любил лежать на этом столе, что обычно использовался им для приготовления домашних заданий. Степа был лилипутом, часто носившим (летом он любил), коротенькие зеленые штанишки с монограммой Христа, фланелевую рубашку в черно-белую клетку и кепку, красную, с длинным козырьком. Ему было вроде пятнадцать лет, его особо не любили ни в школе ни дома. Мать, красивая женщина бальзаковского возраста, с длинными до пола золотыми волосами и чудесными наивными *голубыми* глазами, часто горестно вздыхала, глядя на него, и старалась поскорее заняться домашними делами, главным образом состоявшими в приготовлении пищи, уборке!

Он смотрел на мягкие, плавные движения ее полноватых рук, колдующих над старой газ-плитой марки «Хе-хе», и тоже вздыхал. Отец Степы был вроде военный, любящий заложить за воротник и часто, в таком зверином состоянии, он, обычно ласковый человек – принимался колотить сына, крича: – Ну-у-ты-у, что же ты такой у меня ты уродливый урод

уродился..ыы-гы-бы?

Это создавало у Степы комплекс неполноценности, заставив полностью уйти в свой внутренний мир, к придуманным друзьям – с которыми ему классно-хорошо. Эти друзья – в отличие от сверстников в школе и во дворе, никогда не дразнили его, никогда не обижали и не били за многочисленные физические уродства, (у него еще обожжено лицо, как-то пьяный отец опрокинул на него чайник).

Они лежали сейчас рядом с ним, молчаливые и в тоже время скромные и разговорчивые, единственные и любимые его – крохотного забитого существа. Они – старые дедушкины часы «Полет», со стертой позолотой оправы на шести камнях и с ветхим красным кожаным ремешком. Как приятно их «тикание», как успокаивающе радостно оно для него!

Он любил слушать их долгими тоскливыми вечерами в своей комнате, других развлечений у него не было, комната имела в своем узком нутре только стопки учебников, стол, кровать и окно без занавесок. (Ему поставили еще диагноз ДЦП и родители все убрали из каморки, опасаясь за сына).

И вот сейчас он слушал их, нежно улыбаясь и перебирая по треснутому стеклу крохотными пальцами, и смотрел на другого дружелюбного друга рядом – коробок спичек, старый, с красной буквой «Г» и с синей «П», на лицевой стороне. С надписью: «Российские консервы». Он любил вынимать из него, осторожно, дешевые спички и выстраивать из них на столе замысловатые фигуры, в попытке воссоздать

картины, однажды увиденные им в каком-то художественном журнале, картины Сальвадора Дали. Ему был очень близок этот живописец, своим вызовом обществу, а его мягкие часы стекающие вниз – просто восхищали.

Вот родилась какая-то очередная фигура-ромб, в квадрате, на нем лежит человечек без головы. Часы рядом шепчут: – Весело тик. Весело тик. Иди так. Человечек вскакивает со стола и принимается танцевать перед Степой степ, напевая мотив его любимой песенки, «Дети Парижа». Кажется! Пронзительная мелодия песни вызывает у Степы слезы, он ассоциирует себя с героями произведения. Часы продолжают шептать, – молодец Степа, молодец.

Темнеет. В комнату вваливается бесцеремонная нагловатая луна и разлагает часы, они сейчас в точности похожи на те, со знаменитой картины. – Спасибо друзья, – восклицает Степа, ошеломленный мыслью пришедшей в голову. Он сползает со стола и начинает повторять движения все еще танцующего деревянного человечка. Они синхронно прищелкивают пальцами, нагибаются, приседают, распрямляются опять. Луна ухмыляется с неба.

А часы – размножили себя – расчленили – летают и плавают вокруг шестеренками, пружинами, стрелками, и еще продолжают тикать, *натикивать* мотив той же песенки. Степа сейчас абсолютно счастлив, счастлив как никогда ранее. В это священное как молитва мгновение болезнь не трогает его, движения плавны и изящны, выверены. ЛУНА гладит

по щеке, осторожно стирая слезу радости.

Вдруг в комнату вваливается бесцеремонно пьяный отец. Сказка-иллюзия – рассыпается. Человечек рушится на стол с сухим треском, часы мгновенно собираются из хаотичного приятного существования в пространстве, где они свободны и не закованы в жесткие рамки корпуса времени. И приглушенно они затаились на столе. Луна убежала за тучу. – Ты опять уроки не сделал, – ревет отец.

– Я... Ну.. – Молчать, – орет он и начинает со зловещей улыбкой снимать с пояса ремень.. Руки его дрожат.. Волосатые.. Громадные ноздри трепещут.. Волосатые руки сгребают мальчика и резко сдергивают штанишки. В воздухе стынет крик. – НЕ надо-о.. Папа. Но тот неумолим. Ровно 12 звонких ударов. Отец бросил избитое тельце на пол и ушел в другую комнату, где та же операция совершается с матерью. Мальчик ползет, рыдая, по полу, в угол, где, съезживается в комок и прислушивается к происходящему за перегородкой. И так изо дня в день.

– Помогите мне, – шепчет Степа, но друзья мертвы. Молчат. Жестокость разрушила хрупкий мир иллюзии. Она не вернется. Все молчит в ночи. Он один во вселенной и сказки более не будет никогда. В душе он теперь слышит песню Виктора Цоя. Слова: «Когда, твоя девушка больна». В душе мальчика все меньше света, да и вокруг. Тонкий его мир сворачивается как бумага, на которой только что была нарисована веселая, яркая картинка, Но вот поднесли спич-

ку, чиркнули об рыжий бок коробки, и пламя опалило радость, стерев вечную радость ребенка.

– Я умер, – неожиданно мелькает и исчезает безумная мысль.

– Сегодня вы умерли. Он с трудом поднимается, вырывая из себя стон боли. Луна выходит из-за тучи и кладет на искаженное злобной гримасой лицо свои лучи. «Ничего не будет. Почему»? Шепчет ребенок, трясущимися руками пытаюсь вернуть друзей к жизни, но напрасная попытка. И это подводит черту в искаленном сердце подростка, которому в жизни никто и никогда не сделал ничего хорошего. Он берет коробок и направляется в соседнюю комнату. Тишина разлита в воздухе, ему кажется, что она подслушивает его шаги, читает мысли, намерения, возникающие в исковерканной болью душе.

Ему мерещится, что она это невидимый темный зверь, притаившийся вокруг, который готов материализоваться и наброситься на него, в жажде разорвать. Он слышит дыхание темного зверя.

Он убирает дыхание, с опаской всматриваясь в мерцание тысяч его глаз, вокруг, да-нет, но нет, это лучи луны блестят в хрустале бокалов в секретере. Он успокаивается. Решение принято. Предательски скрипит дверца... Обмирает.. Кажется, удары сердца сотрясают ночь мощными пульсациями.. *Мееерецитттсся*, что весь мир слышит теперь безумного карлика. Но дверца возвращается на место и в руке бле-

стит нечто...

Длинное, с белым внутри. Он подкрадывается к храпящему на полу отцу. Мать спит в соседней комнате. Пьяное лицо вздрагивает во сне, черные сальные усы шевелятся под зловонным дыханием. Волны снов проносятся по щетинистому лицу. Треск пробки.. Прохладная пахучая жидкость льется на брюки, свитер, «profile» – замер... Нет, отец только всхлипывает во сне.. Это должно произойти. Так надо.

Сверкает короткий разряд и огненная молния мелькает, чертит ночь, изгоняет невидимого зверя. Падает в пропасть и огромное пламя взмывает к потолку. Испуганное звериным криком. Красный, желтый, белый, лиловый, пурпурный факел – нелепая кукла, смешной паяц, мечутся по комнате. Крик. Звериный. Смешанный с безумным смехом карлика. Он доволен сейчас, он изгнал ЗВЕРЯ, изгнал, отомстил за мертвых друзей, и теперь все равно.

Огненный паяц заканчивает свое нелепое представление, с хрустом складывается и падает на пол, догорать. Он мертв. В комнату врывается мать, ее ультразвук-воплъ звенит и пугает в каменных стенах, опять сталкиваясь с хохотом адского лилипута. Но вот взгляды встречаются, и столько нечеловеческого видит она в глазах сына. Что ужас замирает в ее теле. Превратив в одночасье в каменную статую.

Карлик проскальзывает мимо, во двор, в мир – где тоже ночь, где тоже надо изгнать зверя, и в руке зажат коробок спичек со смешной надписью: @Российские консервы@. Он

уже не улыбается. Он серьезен. Ведь ждет работа, и:

– Я буду искать новых друзей. Настоящих. Раз вы все забрали у меня их. Грозит миру длинной рукой и болезнь снова наступает на него, делая прекрасным и уродливым одновременно. Волосы дыбом шевелятся на голове, тело, худое тело подростка, отплясывает дикий танец, а горящие глаза выискивают первую жертву. И он идет навстречу испуганному миру. Один как всегда..

Еще более один, и одиночество его теперь будет длиться вечно!!

появилась «Снежинка''*-* <

Наступила ночь. На безмолвных заснеженных просторах одиноких улиц, запорошенных снегом, гуляла вьюга, зло, яростно, выдувающая последние остатки осени.

Было где-то около двенадцати, по широкому как океан проспекту, боязливо прижимаясь к холодным стенам домов, брел мальчик – на вид лет семи-восьми. Вьюга, продолжая бушевать, то и дело пыталась сбить его с ног, уставших от долгой ходьбы. Ему было холодно и одиноко среди этих безжалостных и равнодушных к нему пространств, впрочем, он почти не замечал их – он плакал. Слезы текли по его маленькому, сморщенному от мороза лицу, мгновенно замерзая и оставляя на нем, длинные и сверкающие, в ледяной гримасе фонарей, полоски. Руки мальчика, даже не одетые в перчатки, напрасно прятались в карманах поношенной осенней курточки, это не могло спасти от холода, проникающего и туда. Но он особо не замечал и этого, идя вдоль стен домов без единого огонька, смотря под ноги и продолжая чуть слышно всхлипывать.

Он ушел из дома, не вынося побоев и пьяных, грязных сцен, постоянным неммым свидетелем которых он был. Причина? Кто знает? Да, кто сможет ответить нам на вопрос – почему отец, инженер авиастроительного завода, еще не так давно такой добрый и ласковый, вдруг превратился

в страшное чудовище, уничтожающее все вокруг?! В пьяном виде насилующий и избивающий мать. Он пытался спросить, но тот, разъяренный такими словами, только измучил его, кажется, крича, что стране победившего капитализма не нужны мозги.

Собравшись с духом, мальчик пошел в шмилицию, но уса-тый дядька с двумя звездочками на плечах тоже рассмеялся и посоветовал ему убираться подобру-поздорову, потому что у него и так много дел.. Сегодня. Мальчик. Не выдержал! Наблюдая очередную грязно-смердную сцену между родителями, он неожиданно закричал и бросился на отца с кулаками. Отец долго и тщательно, с любовью и доброй улыбкой, избивал его в детской, предварительно заперев в ванной маму, пытающуюся защитить сына. Чудом вырвавшись, он убежал и теперь не знал куда идти, безжалостный и холодный мир вокруг равнодушно взирал на мальчонку темными провалами сверкающих инеем окон и мерцающе-пульсирующим светом далеких звезд, миру не было дела до горя сего человека, так любившего его.

Теперь он шел, заставлял себя идти, ибо только это действие ему и оставила равнодушная вселенная, размазывая кровь, бежавшую из носа, и испуганно и нервно вскидывая голову, с курчавыми короткими волосами, сквозь снег, слепивший глаза, ребенок пытался рассмотреть что-то впереди. Будущее было мрачным и неопределенным, кому он нужен теперь? Семья – она выкинула его! Общество? Детдом?

Мальчик вздрогнул, с ужасом подумав, что его ждет! Детдом! Страшное слово, нелепое сочетание букв, факт, до того слышанный им из сводок новостей.

Помнится, они сидели всей семьей под Новый Год, все было так хорошо, папа с мамой как раз помирились и ласковое, мурлыкающе-вкрадчивое тепло гостиной с большим тортом и чаем на столе, горячо и нежно обнимавшим тело, своим спокойствием и добротой отрицали, делали нереальным зловещий и неожиданный в 10 вечера 31 декабря, сюжет на экране...

Фигурки детишек, кратко оболваненных и одетых в какие-то оборванные ошметки, ну разве он мог в тот миг хотя-бы на секунду предположить, что все это может предстать перед ним?

– НЕТ, – и мальчик яростно сжал в кулаки замерзшие пальцы в карманах. – НЕТ, ТОЛЬКО НЕ это», – прошептал он и посмотрел вверх, где сквозь бешено вертящиеся снежные хлопья проглядывала луна, мистическими лучами освещающая полумрак улиц. – Куда и зачем? – возникали вопросы в голове мальчика, не знающего, что будет с ним далее, и глаза его, совсем не по детски сурово и жестко взирающие на мир, осветились выражением бескрайнего страха.

– Действительно куда? – прошептал ОН и остановился, чтобы посмотреть где находится. Вьюги продолжали неистовствовать, он уже совсем замерз и дрожал от невыносимого холода, дико сжимавшего тело, но, ни единого спа-

сительного огонька, ни одной машины.

Пустота. Вселенная и он наедине.

Только он и мир, только он и мир, только он и мир, один на один с Ее равнодушием. Один на один с бесконечным горем, совсем один. Вокруг, хрипло воя вихрями снега, гудит, шумит, метель. Зло впиваясь в заиндевевшие омертвевшие щеки острыми как бритва гранями снежинок, тускло сверкающими в теперь желтом свете фонарей, что делает их похожими на вылепленные из воска. И он упал на колени. Что делать? Не зная, что предпринять дальше, и, тупо и зло наблюдая, как вокруг стремительно вырастают, заматывая совсем, ослепительные белые горы.

Он улыбнулся, умиротворенный теперь, явственно представляя, как будет потом! – Смерть, – прошептал он про себя хорошее слово и даже перестал дрожать, в эту секунду полно и до конца осознав, какой чудовищный и неотвратимый смысл оно несет. «А что, зачем мне жить? Кому нужен я, кто позаботится обо мне»? Мелькали вопросы, не имеющие ответа, и в нем росло спокойствие, решимость остаться тут до конца и с открытым и бесстрашным лицом встретить вечность.

– Так будет лучше для всех, – промолвил мальчик синими губами и тут же закашлялся от ледяных хлопьев, ворвавшихся в рот и заморозивших его покойным дыханием смерти-бури. Он упал на спину и крестом раскинул руки в стороны, окончательно перестав сопротивляться, как то-

го жаждало его горячее детское сердце, хотевшее только одного – жить и радоваться! Глаза, голубые, темные, черные, цвет менялся каждый миг, безучастно смотрели в серую пелену неба, откуда падал и падал беззвучный снег, замечая его в цепкий плен смерти. И ОН УЛЫБАЛСЯ, ощущая, слыша эту наступающую на него вечную тишину, снега, как приятно было ее слышать, она была похожа на чудесную симфонию. Он смотрел на нее, звал ее своим сердцем, наблюдал, как кружатся и сверкают тысячами ребер снежинки, и думал: «осталось совсем чуть-чуть», потому, что ног он совсем уже не чувствует. И тишина затопляла его до конца, каждую клеточку тела, и ему мерещилось, что она разговаривает с ним, он рыдал!

– Мама, – произнесли губы мальчика. Она виделась ему в миражах снежинок и была похожа на сказочную фею. Она шла, спускалась к нему все ниже и вот рука ее касается его, он видит дыхание Матери мира на своей щеке. Но вот она исчезает.. Иллюзия.. А тишина, темной водой продолжает затоплять тело, постепенно убирая его из этого мира – он опять улыбается..

На что похожа она, уже не на симфонию... на радость, первую радость ребенка, впервые в жизни пробежавшего по зеленому лугу. «Какое счастье быть тут, в этом моменте времени», думает он и понимает, что теперь тишина это как время, триллионы, мегамиллионы секунд, заполнивших душу до конца. «Зачем мне жить, какая радость в жизни, ра-

дости в ней нет, она умерла и скоро умру и я». Мельтешили фразы во все больше леденеющем сознании, а сердце не хотело сдаваться, сжималось, окружаемое царством льда.

«Ненавижу вас всех», пролетела последняя живая мысль. – Ненавижу вас всех, – шептал он, умирая своим сердцем радости, и уже совсем не замечая холода вокруг себя. Шептал на прекрасном белом ковре, он, как мех загадочного вымершего животного.

Ласковый к нему мех.

Дарит покой.

«Что дали вы мне за всю жизнь, кроме боли и упреков? Ничего! Так за что же мне вас любить»? Глаза мальчика теперь закрыло белым кристаллическим саваном снега.

Он умер.

(Выдержка из газеты «Мир новостей». Сегодня утром у здания Городской Ратуши Города Радости обнаружено тело мальчика лет восьми. По предварительным данным мальчик замерз, пытаясь достучаться до охраны. Личность мальчика устанавливается».

МИГ... (0)

Вот небо расколола бесшумная, прекрасная молния, похожая на хвост белки, огненно-стройным жалом коснулась она воздуха. Растопила, убрала метель, и из тихой пустоты посыпались на мальчика раскаленные добела золотые тибетские монеты, стилизованные, потому, что в два раза больше обычного размера. Мальчик пошевелился и открыл глаза. Удивлению его не было пределов! Сказка царила кругом тела. Снег растаял, горы монет таинственно сверкали и искрились, отдавая ему свой пылающий свет-тепло. Изгнав темную зиму. Мальчик рассмеялся, вскочил, и принялся пригоршнями сыпать звенящее духовное золото себе в карманы. Больше-больше-больше.. Full. Радость.. Что дальше, друзья мои? А вот что!

Из неба вынырнула ласковая невидимая рука, вздернула, вознесла мальчика над городом, дабы он смог видеть, всталась им налюбоваться, так что он даже не успел удивиться этому. Покачала рука его из стороны в сторону, успокоила мятущееся сердце и...

Мальчик дезинтегрировался с тихим хлопком, оставив после себя благоухающее розами облачко, из которого вскоре на землю действительно посыпались розы, черные, желтые, белые, красные, лиловые и пурпурные – влажные, живые, трепещущие от счастья.

БЛЕСТЯЩИЕ в свете звезд, и они устлали собой весь город, уничтожив снег...

На деревьях выросли цветы и в парках, скверах, взорвались безумные почки и развернулись жилистые в сетку зеленые листья. И одуряющий аромат водопадом вошел в дома, сорвал всех с грязных платных постелей, выгнал людей на улицы. Вышло солнце и окончательно развеселило всех своим важным, дородным, парадным видом, румяные щеки. Хитринка в глазах! Старое, худосочное, бледное зимнее солнце, сдали на склад – в утиль, и вскоре его купил старьевщик. Он долго вертел нелепый блин в руках, прищелкивал шершавым языком и чуть не потерял в раздумье пенсне, но вскоре сообразил сделать из него стол, за которым угощал редких посетителей отличным турецким кофе, приготовленным на песке. Да с корицей! Аромат? Загляденье!!

Короче весна, Первомай пришел к Нам, Товарищи, надем все пионерские галстуки, выбежим веселой гурьбой на улицу и пройдемся с грозным кумачовым плакатом: – Да будет свет!!!

А зима не вернется никогда!

А в далеком доме, за уютным столом, в круге света от желтого тканевого Абажура, сидела семья и пила чай с овсяным печеньем, и даже с горячими вафельками, так что пальчики оближешь! Мальчик радостно улыбался, улыбался отец, улыбалась мать. На всей атмосфере лежала вечная печать покоя, и свет был в сердцах. Рядом лежала горка монет и спи-

чечный коробок и все были довольны, что так вот хорошо вот кончилось все. Вот!! Благодаря вмешательству невидимой руки. Кстати! Да!

Звали то мальчика никак иначе как – СТеПа!

Конец...

«Амиго, или просто один день»

«Amigo», напиток винный. Алк 8% об. Сахар 55 г/дм. Объем 0,33 л. Состав. Виноматериал виноградный, спирт этиловый ректификационный, сахар, лимонная кислота, ароматизирующая и вкусовая добавка «вермут» Ase 406/2, красители E122, вода питьевая. Якобы исправленная.

Утро...

Я как всегда неохотно встаю, чтобы идти на работу. Светит мягкое, такое теплое солнце, ведь осень. Целую «любимую» и выхожу. Сига-ретта... Мну в пальцах и втыкаю в обтрепанную щель губ. Тонкий дымок вьется вокруг руки, завивает серые кольца и, рассеиваясь, улетает в небо, сегодня необычайно и истерично голубого цвета. На нем солнце соседствует с луной и меня весьма прикалывает этот факт.

Текут люди, я смотрю на них и замечаю общую, присущую всем черту – озабоченность. Озабоченность большого провинциального города, торопящегося «на работу». Я тоже озабочен.

Мы все как заводные куклы, подвластные четкому ритму будильника..7..ч..9..ч..Ключики поворачиваются меж лопаток и мы взлетаем с постелей, чтобы отправиться по проторенному маршруту системы радостной лжи о том, что мы живем в раю. Реальность проплывает мимо меня, как и мимо

других людей. Ведь мы **ОЧЕНЬ СПЕШИМ!!!** Ведь мы пока **ЛЮДИ...**

Автобус заглатывает мое уставшее сонное тело, и я еду на работу. Напротив меня сидит женщина в черной рясе, ее злые глаза бесконечно бегают по кругу, словно ища чего-то. До ее лица дотрагивается кратковременная паутинка осеннего солнца, высвечивая рано появившиеся морщинки, хотя она еще молода. Мужчина в белом нервно крутит зеленую трубку телефона, губы его шевелятся. Наверное, он подсчитывает чего-то. На его пиджаке спит мотылек. Все озабочены, нахмурены, я тоже. Я опаздываю на работу.

Шумят деревья за окном автобуса.

Мною овладевает какая-то лень, ничего не хочется делать, работать, двигаться, думать, смотреть за окно. Ум впадает в состояние отупления. Потом я начинаю напрягаться. Ведь уже 8.45. Двери распахиваются, и я выхожу, рассеянно давя грязными подошвами первые осенние листья. Но я не слышу их хруст. Как ни слышу и пение синички на дереве. Уже 9.02. Я опоздал...

На работе все как всегда, заказы текут рекой, офис гудит, только успевай поворачиваться. Подстраиваюсь под ритм работы, я винтик, в четко смазанном механизме «ДЕЛА». Ничего не хочется делать. Все мои действия автоматичны, лишь бы быстрее обед! Осознавать. Что-то творить. Придумывать новые сюжеты... Лень! Сегодня Я не любит работу.

Но вот мне неожиданно везет, начальник ставит меня

на новый фронт – надо помочь покрасить крышу, и я залезаю по качающейся лестнице на «верхотуру». Необычно. Живое везде. Электронный шум офиса-цеха сюда не проникнет. В руках у меня банка с краской. Медленно размешиваю электродом густую серую грунтовку и мою ацетоном кисточку. Я готов к работе. Моя задача замазать ржавчину на балках перекрытий, и я крашу их, тщательно покрывая бурые лохмотья многослойными разводами. Внизу громко ржут рабочие, они сделали из пенопласта *фаллоимитатор* и теперь по цеху ходят соленые шуточки. А я здесь один, наедине с краской. Дует холодный ветер.

Я вспоминаю, как еще недавно тут не было крыши, светило летнее солнце, и я увидел бабочку, на секунду присевшую на балку. Миг, и она исчезла, но почему-то это отпечталось в моем сознании. Я думаю о ней, и на память мне приходит другая бабочка, совсем мертвая, которую я видел на улице, размазанную влажными шинами машин. Я сам размазан как эта бабочка, мысли ползут, текут, сталкиваются во вселенной моего ума, и тело расслабляется до невозможности.

Я не хочу замечать ничего, никаких мелочей, я везде и нигде, растворен в смутном состоянии ума, конечно ложном. Какая-то обостренная мягкость, слащавость и равнодушие – слова не могут передать этого.

Думая об этом я нечаянно уничтожаю работу паучка, свившего свою паутину на балке. Паутина разломана, а паучок размазан по балке. Он мертв. Смотрю на него и мне

нехорошо. Убийцы всегда думали о себе. Неожиданно становится так больно и противно. Давлю это ощущение. Давлю.

День угасает, солнце делается еще мягче и теплее, а тени и углы зданий, люди, машины, и все – как ни странно, резче. Иду по этому резкому городу, этому панорамному глянцевому шару-городу. Вспышка. В магазине на полке сверкает бутылочка «Амиго», коктейль который я так люблю пить после работы, ведь я «устал» и хочу расслабиться. Читаю надписи, глажу стекло и рассматриваю большую белую звезду на этикетке. Бегущая телевизионная реклама в Городе Те** тоже показывает звезду. Мелькает слово революция... Революция сознания... На этикетке тоже это слово. Я пью его до дна, желая исследовать новое алкогольное состояние, и вот город приобретает чудно другой облик, я начинаю замечать мелочи.

Падающий пепел, с сигареты мимо проходящей девушки, кажется очень красивым, и я концентрируюсь на рассыпании серых крупинок по асфальту. Они там все разные. Солнце продолжает светиться еще больше теплым светом, хитроумным испанским светом. А в тених города я начинаю видеть недоступные обычным людям краткие моменты...

Плевков на земле мерцает всеми оттенками радуги.. В изогнутые щели на асфальте заглядывает солнце и они кажутся трещинами в песках пустыни. В ушах-наушниках играет «Фрэнк дЮваль». Песня-фон «Caravan-in-nigt»...Края гудроновых пятен чуть темнее, чем их центр. Ветер тоже осо-

бенный, он заглатывает мои быстро немеющие расслабляющиеся ноги и течет по телу, и вот его нет.

Люди, проходящие мимо, видят это и не видят, а в моем восприятии эти мелочи приобретают великий смысл. Они что-то дают мне, пока не знаю что. Это другое растворение, растворение не тупое, а все замечающее, не отстраненное. Видимо алкоголь все-таки приоткрывает в нас какую-то дверь, за которой естественное, настоящее. Взрывает наше сознание, освобождает нас. Почему он? Почему ум не хочет просто так замечать жизнь, мелочи, которые могут так радовать глаз? Почему мы все спешим? Трудно.

Я пишу в этом состоянии на центральной площади города Те**, и это все-таки неправильно. Алкоголь дает обратный эффект и вот я возвращаюсь к прежней притупленности, даже большей чем утром. Я медленно угасаю. Угасает солнце, ветер гуляет по площади, закручивая тонны пыли.

Становится холодно и на площадь, где я сижу, опускается сумрачный вечер. Я ставлю точку. Надо бросить пить!

Все смешалось, и я перешел в другую комнату внутри себя. Где было еще хуже. Здесь все очень томно и таинственно, как в темном гроте на дне моря. Я продолжаю тему погружения в свое подсознание...

Бог Запутанных Сфер*:#

Бог запутанных сфер. Как всегда вечером, я стою у окна и курю очередную сигарету. Дым медленно улетает в пропасть ночи, идет дождь. Я слушаю музыку капель и думаю, почему я так отстранен от этой реальности. Ведь я же, по сути, не живу в ней, я живу в сети, с помощью которой пытаюсь убежать от надоевшего «праздника жизни». Я бог запутанных ирреальных миров, потерявший ключ от двери с надписью Выход. Кто я и что я? Я не знаю! Мне скучна жизнь на этой планете, хотя скука это иллюзия и Я это знает. Просто мне лениво быть в материи-жизни, обонять ее запах, чувствовать ее приторный, а иногда солено-горький вкус на своих губах. А это так просто, надо всего лишь не убежать в нереальную виртуальность сети, не думать, что так трудно быть в настоящем моменте. Надо вдохнуть побольше воздуха, задержать дыхание, застыть... и почувствовать как все «прекрасно» вокруг. Но я не хочу.

Далеко в черном колодце ночи еле слышно ворчит листва, сотрясаемая барабанной дробью капель. Они стучат и по ржавым трубам газопровода, который притаился где-то внизу. Я вслушиваюсь в этот звук, а глаза мои ловят игру огоньков-окон от домов находящихся на другом конце темной вселенной ночи. Кто там? Что они сейчас делают? Я этого никогда не узнаю, но впрочем, мне и нет до этого ника-

кого дела. Давно прошли времена познания, и я медленно умираю в гниющем коконе своего внутреннего мира. Я один в своей собственной вселенной, запутанный бог запутанных сфер, окончательно утративший связь с реальностью. Как я смешон сейчас! Ха-ха. *(Мы все так одиноки, разделены на свои собственные миры – восприятия и впечатления... Почему я не могу с этим смириться? Ладно, ладно, вернемся в реал... Странник..!)*

Дождь утихает. Музыка капель все тише и тише и вот уже, в то время когда я создаю эти строки, она наконец совсем стихает, и я не знаю, что сочинить дальше! Может послушать влажную тишину, родившуюся после окончания дождевой симфонии? Кто знает ответ, что нам нужно сделать в какой-то конкретный момент? Мир и я. Я и мир. Мы на двух разных полюсах и в то же время мы вместе. Все едино и разделено. Сигарета летит в жадно дышащую тьму, и я думаю о следующей, ведь напиток в моей кружке еще горячий, а так приятно сухую жесткость никотина смачивать горячей влагой чая.

Ручеек мыслей становится все тоньше и тоньше и вот уже он совсем иссяк, как и дождь за окном. Конец рассказа или нет? Что он вообще дает мне? Опыт? Смешно! Знание? Обо всем, о чем я здесь написал, я знал давным-давно! Нет!!! По моему, все проще. Я просто выразил часть себя, в очередной раз, заполнив бумагу беглой корявой вязью не совсем стилистически выверенных фраз. Наверно надо покурить еще!

Это должно дать свежие мысли.

Но это не дает ничего, я начинаю хвататься за ощущения реальности, а это первейшая ошибка. Одна моя бывшая мысль, (как ее звали?), права, не надо гоняться за этими ощущениями, пытаться уложить их в узкую колею букв. Надо просто писать потоком сознания, быть проще... Состояния есть всегда, а точнее в нужный миг.

Ты хватаешь ручку, и она сама пишет. Лучшие вещи у меня получились именно так, без активного участия мозга. Впрочем, я зря себя обвиняю, как раз сейчас я начал писать потоком сознания, не зная, какая именно фраза испытает радость стать следующей. Интересно, прелестная ли она будет?

Но нет ничего, только фраза на тему ее отсутствия и еще есть дождь, который снова начал стучать по облупившимся краскам подоконника.

Она помнит много, эта краска. Наверно даже мою маму в молодости, когда она, может, так же стояла у окна и слушала дождь. Ой, совсем забыл, подоконник давно перекрашен. Все меняется в этом мире, старый слой краски-жизни стирается и на него накладывается новый и вот уже, обновленная, она сияет первозданной чистотой и свежестью. «Все пройдет. Пройдет и это». (Надпись на перстне Соломона).

В доме напротив окошко посылает в темноту мягкий свет настольной лампы, прикрытой желтым тканевым абажуром...

Ее свет выхватывает из пространства слабо шевелящуюся-

ся листву, и я пытаюсь угадать, что это за дерево. Сколько дней, весен и лет, стоит оно под окном и сколько уже раз мягкий золотой свет настольной лампы выхватывал из мрака его побег. По окну мечутся тени, кто-то ходит взад и вперед по комнате. Может это студентка учит лекцию или. Кто еще? Наверное, менялись хозяева, менялся и свет лампы и сама лампа и тихий шепот студентки, корпящей над билетом, но все-таки нечто всегда остается вечным – это то ощущение, что рождается при взгляде на эту картину, оно, навсегда запечатлевается в памяти вселенной, моей памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.